

чувственно воспринимаемые элементы, которые мы обозначаем этими именами, но идеальные модели этих элементов. Кстати, именно поэтому они называются идеями. Взятые сами по себе, они просты. Для объяснения происхождения вещей нужно рассмотреть три термина: первоматерия и две первичные формы, которые суть *ousia* (сущности) Создателя и идей чувственных вещей. Слово «формы» не означает, что сам Бог придает материи форму. Этого нельзя сказать и об идеях, ибо они никогда не снисходят в материю. Собственно формы, соединенные с материей чувственно воспринимаемых тел, являются в некотором смысле копиями (*exempla*), которые происходят от образца (*exemplar*) путем дедукции, заключающейся в придании им соответствия образцу (*quadam exempli ab exemplari suo conformativa deductione venerunt*).
 Формы, на-

201

1. Шартрская школа

блюдаемые у тел, являются не идеями, а образами вечных чистых субстанций, которые и суть идеи. Таким образом, Гильберт по-своему воспроизводит различие божественных идей и порожденных (*nativae*) форм, которые представляют собой лишь копии оригиналов.

Для того чтобы образовать универсалии, следует исходить именно из этих форм. Соединенные с материей, они составляют индивидуальные субстанции, которые, как мы сказали, являются одновременно и «субстан-тами», и «субсистимирующими». Сами по себе формы суть не субстанции, а субсистенции, благодаря которым существуют субстанции. Они являются «субстанциальными формами» («*formae substantiates*») субстанций. Кстати, множественное число следует здесь употреблять даже по отношению к одному индивиду, так как каждый индивид определяется родовой субсистенцией, видовой суб-систенцией и субстанциальными свойствами последней. Но то, что в реальности представлено как целое, человеческий разум способен рассматривать изолированно и абстрактно. Вначале он воспринимает порожденную форму (*forma nativa*), мысленно абстрагирует ее от тела, которому она присуща, затем сопоставляет ее с другими порожденными формами, на которые она похожа и вместе с которыми образует группу (*collectio*), и достигает таким образом первой видовой субсистенции. Произведя те же операции над группой сходных видов, получаем родовую субсистенцию. Следовательно, именно соответствие терминов друг Другу образует группу и дает начало тому, что мы называем природой, родом или универсалией. Мысли остается лишь трансцен-Дировать все порожденные формы, чтобы достигнуть их образцов — вечно пребывающих первоидей. Иоанн Солсберийский резюмировал позицию Гильберта Порре-танского следующей краткой формулой: «*universalitatem formis nativis attribuit, et in earum conformitate laborat*»*. В самом деле, для Гильберта задача состоит в том, чтобы

отыскать в вещах одного рода и вида естественное соответствие, получаемое ими путем вывода по соответствию (*deductio conformativa*), в результате которого эти порожденные формы и происходят от вечных идей.

Доктрина Гильберта, как легко видеть, имеет более заверченный и строгий характер, нежели учение Бернарда Шартрского. Она очень хорошо проработана технически, и сама ее основательность, несмотря на довольно темный язык, которым она изложена, обеспечили ей длительное влияние. До XIII столетия и далее в западноевропейской мысли наблюдается тенденция сводить реальные существа к их умопостигаемым сущностям, которыми являются их формы, и мыслить их в этих абстрактных категориях. В этом